

Горный ветер

THROUGH THE GATES
OF GOLD

A FRAGMENT OF THOUGHT

BOSTON
ROBERTS BROTHERS
1887

Через
Золотые Врата

КРУПИЦЫ МЫСЛИ

Москва, 2020

УДК 130.3 + 141 Теософия
ББК 87.1
К60

Mabel Collins. THROUGH THE GATES OF GOLD.
Boston: Roberts Brothers, 1887

Мейбл Коллинз. ЧЕРЕЗ ЗОЛОТЫЕ ВРАТА / пер.
с англ. А.И.Дьяченко. – М.: Горный ветер, 2020. – 208 с.

Эта книга написана английской писательницей Мейбл Коллинз, которая в 1887–1888 годах была близкой сподвижницей Е.П.Блаватской. Книга появилась на свет благодаря сотрудничеству писательницы с Учителем Илларионом и стала дополнением к ее известному труду «Свет на Пути». Вопросы духовного восхождения человека освещает в ней тот, кто сам прошел этим Путем и может говорить о нем на основании собственного опыта. «Крупницы мысли», как автор образно называет свой труд, собраны им из уже доступных человечеству памятников литературы. Из них он складывает образ той высочайшей реальности, куда может и должен устремляться человек.

В Приложение вошли статьи из журнала *Люцифер* и фрагмент выдающейся поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии», которые помогут читателю глубже понять основные идеи книги и свяжут их с эпохой, когда те же истины произносились устами Будды Гаутамы. Две статьи М.Коллинз, завершающие Приложение, отражают собственные взгляды писательницы, к которым она пришла в последние годы своей жизни. Большинство статей Приложения публикуется на русском языке впервые.

ISBN 978-5-6043814-1-0

12+

© Горный ветер, 2020

© А.И.Дьяченко, перевод с английского, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика 7

Через Золотые Врата

Пролог	11
Введение	12
Глава I. Стремление к удовольствию	14
Глава II. Тайна Порога	36
Глава III. Начальное усилие	43
Глава IV. Значение боли	57
Глава V. Секрет силы	75
Эпилог	94

Приложение

Статьи из журнала *Люцифер*

Тайна всех времен	96
Великое искание	102
Любовь к объекту	119
Отречение	126
<i>Эдвин Арнольд</i> . Свет Азии. Книга восьмая ...	140
От переводчика	165
Статьи Мейбл Коллинз 1921 года	
Состояния сознания	179
Миссия Теософического Общества	195

Предисловие переводчика

Английская писательница Мейбл Коллинз (1851—1927) известна как автор многочисленных художественных романов, повестей и рассказов. Особое место в ее жизни занимает теософический период, который продолжался чуть более семи лет, начиная с 1881 года, когда она впервые познакомилась с теософией, взяв в руки книгу «Разоблаченная Изида», и кончая февралем 1889 года, когда она вышла из Теософического Общества. Эти годы стали для нее одновременно и периодом духовного ученичества, во время которого она написала три серьезных теософических труда в сотрудничестве с Учителем Илларионом: «Идиллия Белого Лотоса» (1884), «Свет на Пути» (1885) и «Через Золотые Врата» (1887)¹.

Столь необычное сотрудничество простой писательницы с одним из духовных Учителей Востока — факт сам по себе удивительный; понять его в полной

¹ Строго говоря, последней теософической работой Мейбл Коллинз, написанной ею совместно с этим Учителем, стали «Комментарии автора к книге *Свет на Пути*», опубликованные Е.П.Блаватской в четырех номерах журнала *Люцифер* с сентября 1887 года по январь 1888 года. Но отдельной книгой Коллинз их не издавала. (*Здесь и далее — примечания переводчика, если не оговорено иное.*)

мере можно лишь зная историю ее духа. Вот что писала об этом Елена Петровна Блаватская: «С Мейбл Кук (или Коллинз) — “писателем” книг *Идиллия Белого Лотоса, Свет на Пути, Комментарии* — произошел удивительный случай в ее жизни. До того года, как мы с Олькоттом прибыли сюда¹ в 1884 году, она была самой обыкновенной мирской женщиной, светской красавицей, никогда не задумывавшейся о вещах духовных. В тот год она стала время от времени видеть перед собой астральную фигуру смуглого человека (грека, который принадлежит Братству наших Учителей), который побудил ее начать писать под его диктовку. Это был Илларион, кого Олькотт хорошо знает. Так появилась книга *Свет на Пути* и другие. Могла ли она написать это сама? — *Никогда*. Вплоть до сего дня она не имеет никакого представления о философии, да и не любит ее»².

Книга «Через Золотые Врата», перевод которой читатель держит в руках, является во многом дополнением и комментарием к «Свету на Пути» — безусловно, главному труду этой писательницы, названному Блаватской «истинной жемчужиной, принадлежащей к той же самой школе индо-арийской и буддийской мысли и знания, что и учение Тайной

¹ Имеется в виду в Англию, куда Е.П.Блаватская и Г.С.Олькотт прибыли в апреле 1884 года.

² Письмо Е.П.Блаватской — Н.Д.Кхандаваладе от 12 июля 1888 года. Оригинал письма хранится в архиве Теософического Общества в Адьяре.

Доктрины, и из нее исходящей»¹. Поэтому изучать эти книги лучше вместе.

В разделе Приложение читатель найдет четыре статьи из журнала *Люцифер*, которые по стилю и содержанию близки к книге «Через Золотые Врата», а иногда прямо цитируют ее, развивая ее мысли. Эти статьи публиковались под псевдонимом или же вовсе без подписи; их автором могла быть либо Е.П.Блаватская, либо кто-то из Учителей или их учеников.

Приложение завершает фрагмент выдающейся поэмы английского поэта Эдвина Арнольда «Свет Азии» (книга восьмая), на которую ссылается автор второй статьи Приложения. «Вся философия жизни, — пишет он, — может быть выражена Четырьмя великими Истинами, которым учил Будда, и нет более убедительного их описания, чем то, которое приведено в прекрасных строках восьмой книги *Света Азии*». Поэма эта не раз цитировалась духовными Учителями Востока в их переписке с английским журналистом и редактором А.П.Синнеттом. Вот что писал о ней Мохини Мохан Чаттерджи, ученик одного из этих Учителей: «Все мы понимаем, в каком огромном долгу находится Индия перед Эдвином Арнольдом, написавшим эту волнующую душу поэму. Для сближения Востока и Запада книга *Свет Азии* сделала больше, чем любой политик или ученый»². Как известно, Елена Петровна Блаватская в своем

¹ *Lucifer*, vol. III, No. 16, December 1888, p. 347.

² *Theosophist*, vol. 6, No. 6, March 1885, p. 146.

завещании просила теософов ежегодно собираться вместе в день ее ухода и зачитывать фрагменты из этой поэмы и Бхагавад Гиты¹.

Строки из поэмы Эдвина Арнольда перенесут читателя на две с половиной тысячи лет назад и помогут ему ощутить всю силу и убедительность знаменитой проповеди Будды, произнесенной им на родной земле в Капилавасту в присутствии своего отца, царя Шуддходаны, и своих родных. Из этих строк читатель увидит, насколько сущность учения Будды созвучна мыслям, выраженным в книгах «Свет на Пути» и «Через Золотые Врата».

* * *

Перевод книги «Через Золотые Врата» сделан по первому английскому изданию, увидевшему свет в Бостоне (США) в январе 1887 года. Перевод статей из журнала *Люцифер* выполнен по оригинальной их публикации в журнале в 1887–1888 годах.

Приводимый в настоящем издании перевод восьмой книги поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии» выполнен по первому лондонскому изданию 1879 года без сохранения стихотворного ритма оригинала для более точной передачи смысла.

¹ *Sylvia Cranston*. The Extraordinary Life and Influence of Helena Blavatsky, Founder of the Modern Theosophical Movement. New York: Putnam, 1993. P. 429.

Пролог

Однажды, когда я сидела в одиночестве и писала, некий таинственный Посетитель незаметно вошел в мой кабинет и встал позади меня. Не успела я спросить, кто он и почему он вошел так бесцеремонно, как мой Гость начал рассказывать мне о Золотых Вратах. Он говорил так, как говорит тот, кто знает; и огонь его речи зажег во мне веру. Я записала его слова, но, увы, едва ли я могу надеяться, что этот огонь будет гореть в моих записях так же ярко, как он пылал в его словах.

М.Коллинз

Введение

У всякого человека имеется своя собственная философия жизни, кроме разве что настоящего философа. Даже последний невежда и тот имеет некоторое понятие о цели своей жизни вкупе с определенными представлениями о том, как быстрее и проще этой цели достичь. Мирской человек, сам того не ведая, часто оказывается первоклассным философом. Он устраивает свою жизнь, опираясь на предельно ясные принципы, и не позволяет никаким случайным обстоятельствам пошатнуть своих позиций. У мыслителя с развитым воображением определенности уже куда меньше; он ощущает себя хронически неспособным ясно выразить свои представления о предмете, более всего волнующем человеческую душу, — о человеческой жизни как таковой. Истинный же философ — тот, кто вообще остережется делать какие-либо заявления на этот счет; он уже понимает, что приблизиться к тайне жизни посредством обычного мышления невозможно, подобно тому как истинный ученый признает свое полное незнание принципов, лежащих за рамками науки.

Но возможен ли такой метод мышления или такое усилие ума, чтобы они позволили человеку постичь те великие принципы, которые, несомненно, суще-

ствуют в качестве причин для явлений зримой человеческой жизни? Это вопрос, разрешить который обычному мыслителю не по силам. Однако ищущие души на этой земле все же терзает смутная догадка, что за видимыми нам следствиями скрывается какая-то причина и что порядок, управляющий хаосом, существует, как существует и высшая гармония, пронизывающая диссонансы; и мысль эта рождает в таких душах страстное желание увидеть это невидимое и постичь это непостижимое.

Стоит ли томиться желанием увидеть и постичь то, что лежит за гранью всякой надежды, покуда в нас не откроется внутренний глаз? Не попробовать ли собрать вместе те крупинцы мысли, которые доступны человечеству уже сейчас, — может быть из них сложится какой-нибудь образ, проливающий свет на эту волнующую душу проблему?

Глава I

Стремление к удовольствию

I

Все мы знакомы с этой неумолимой фурией, называемой страданием, которая преследует человека, причем преследует его (что поначалу кажется даже странным) не в какой-то слепой и неопределенной манере, но с решительным и прямо-таки непреклонным упорством. Страдание, конечно, наполняет не каждое мгновение нашей жизни, иначе бы человеку пришлось перестать жить, но его упорство воистину не знает границ. Мрачная тень отчаяния всегда стоит за спиной человека, готовая коснуться его своим ужасающим перстом, если он слишком долго ощущает себя счастливым. Кто наделил эту жуткую тень правом преследовать нас с самого рождения и до последнего часа? Кто дал ей право неотступно стоять в наших дверях, держа их приоткрытыми своей страшной, хотя и неосязаемой рукой, стоять, будучи готовой войти в любой момент, который покажется ей подходящим? Величайший философ, и тот в конце концов уступает ей. Ведь человек, признающий, что страдание неотвратимо, и понимающий, что он тоже рано или поздно будет страдать, подобно всем

остальным людям, — такой человек, с точки зрения всякого здравого смысла, есть именно философ.

Страдание и боль — часть наследия человека; и тот, кто решает, что ничто отныне не заставит его страдать, делает не что иное, как облачается в глубокий и бесчувственный эгоизм. Такой покров может защитить его от боли, но он также оградит его и от удовольствия. Если и можно отыскать гармонию на земле или какую-то радость в жизни, то этого нельзя сделать, затворив врата чувств, которые могут впустить нас в наиболее возвышенную и одухотворенную сферу нашего существования.

Ощущения, которые мы получаем через физическое тело, дают нам все то, что и побуждает нас жить в этой материальной форме. Никто не стал бы утруждать себя таким утомительным процессом, как дыхание, если бы вместе с ним человек не получал чувства удовлетворения. Так же и со всеми остальными действиями в нашей жизни. Мы живем, потому что нам приятно переживать ощущения, даже если это будет боль. Ощущение — вот то, чего мы жаждем; иначе мы все как один согласились бы испытать таинственных вод забвения, и род человеческий бы вымер. Если так обстоит дело в физической жизни, то, очевидно, то же самое и с жизнью эмоций — воображением, чувствами и всеми этими тонкими и неосознаваемыми элементами, которые, вкупе с удивительным рекордирующим механизмом мозга, и составляют внутреннего человека. Ощущение — вот то, что доставляет удовольствие людям; бесконечный ряд

ощущений и представляется для них жизнью. Уничтожьте ощущение, заставляющее их упорно желать продолжения жизненного опыта, — и ничего не останется. Поэтому человек, пытающийся вычеркнуть из своей жизни чувство боли и задавшийся целью сохранять ровное состояние независимо от того, испытывает ли он удовольствие или сносит удары, — такой человек подрубает самый корень жизни и разрушает цель своего собственного существования.

Насколько нам может подсказать наше сегодняшнее мышление и интуиция, сказанное должно быть приложимо ко всякому состоянию, даже к состоянию столь желанной для каждого восточника Нирваны. Последнее названное состояние (если это вообще состояние, а не уничтожение) не может быть ничем иным, как только одним из бесконечно более тонких и возвышенных ощущений; а согласно нашему жизненному опыту, опираясь на который мы можем сейчас судить, утончение ощущения означает умножение его живости и силы. Так, например, человек чуткий и наделенный богатым воображением испытывает более глубокие чувства по поводу преданности или, наоборот, измены друга, чем те, которые может испытывать человек грубой физической природы даже с помощью своих обычных телесных чувств.

Таким образом, ясно, что философ, отрекающийся от чувств, не оставляет себе места для отступления, включая даже эту отдаленную и недостижимую цель, именуемую Нирваной. Своим отказом он может только лишить себя своего наследия, даруемого

вместе с жизнью, — иначе говоря, своего права на ощущение. Если он решает принести в жертву то, что и делает его человеком, он будет вынужден довольствоваться полной бездеятельностью сознания — состоянием, по сравнению с которым даже жизнь улилки покажется весьма волнительной.

Никакому человеку такой подвиг не по силам. Сам факт его продолжающегося существования недвусмысленно свидетельствует о том, что он все еще желает ощущений, и желает их в такой явной и активной форме, что желание это может быть удовлетворено лишь в физической жизни. Казалось бы, гораздо практичнее было бы не обманывать себя притворством стоицизма и не пытаться отречься от того, с чем человека не может принудить расстаться никакая сила. Не будет ли более смелым шагом, более перспективным способом решения этой великой загадки жизни — собраться с силами и выведать у самой жизни ее собственную тайну? Если бы люди только остановились и хорошо подумали над теми уроками, какие им преподали удовольствие и боль, многое было бы угадано и понято о той загадочной первопричине, которая эти ощущения порождает. Но люди обычно спешат уклониться от всякого самопознания и основательного анализа человеческой природы. Однако должна же существовать наука жизни, столь же ясная и последовательная, как и любой из методов научных школ. Да, наука эта неизвестна, и существование ее угадывается лишь по скудным намекам, оставленным нам некоторыми из наиболее